

Глава III. Молитва в религии греческой цивилизации

Греческая религия, как и пророческая религия Израиля, занимает особое место среди религий мира. В то время как великие ритуальные религии древности возвышались над примитивными религиями только за счет смешения различных идей и внешнего блеска их священнической системы, в Греции племенные религии и городские культы развились самопроизвольно в более чистый, свободный и более глубокий тип религии без какого-либо насильственного разрыва с прошлым и без сознательного вмешательства философских или религиозных реформаторов. Поэмы Гомера, Илиада и Одиссея, формируют первую стадию в этом религиозном прогрессе. Здесь здравая, простая религия ионического воинства находит выражение в радости жизни. Она все еще находится в пределах сферы примитивного эвдемонизма; но есть очень большая разница между этой свободомыслящей благородной религией и примитивной народной религией, которая продержалась в Греции много столетий. Боги были освобождены от их первоначальных ограничений природы и места, им была придана сильная индивидуальность, они – личности с резко определенными особенностями. Олимпийский Зевс с его свитой богов – отражение ионического правителя, окруженного своими полководцами. Молитвы и жертвы – единственные формы вероисповедания, с помощью которой герои Гомера общаются с их богами. Все обряды предсказания, очищения, магии, которые образуют основную часть популярной религии и даже официального вероисповедания, здесь занимают второстепенное место. Герои Гомера – выше страха жутких духов мертвых, который существует в любой народной религии. Как в Израиле, где верили в единоличную власть Яхве, так и в Ионии, стране просвещенного свободного мышления, мертвых превратили в подземные тени, лишённые силы.

Гомеровская религия нашла свое завершение и углубление во времена расцвета греческой цивилизации в пятом веке до нашей эры. Эсхил, Софокл, Пиндар, Ксенофонт и Платон выражают одухотворенное благочестие, которое в классическом периоде проникало в культурные круги греческих людей. Как поэты песен гомеровского периода расширили и очистили народную религию, создавая общий Греческий пантеон и освобождая религиозное вероисповедание от его переплетения с магией, так и эти великие писатели углубили и морализировали его. Тесная связь с церемониальной системой государства гарантировала, что одухотворение традиционной религии не приведёт к уменьшению её реального значения.

Чувство абсолютной зависимости от высших сил есть в каждой религии. Но ни в какой религии, кроме иудаизма и христианства, это фундаментальное чувство не доминирует

настолько в жизни и мысли, как в религии Греции. Хор у Эсхила молится: «Чего может достичь смертный без Тебя?»

«Грек чувствовал в глубине своей души, - говорит Роде, - как скоро он во всём достиг пределов своих сил, насколько узок был круг, в котором находилось его сознание и в котором мышление могло бы эффективно управляться. За все, что лежит за пределами этого круга, за все, что приходит к человеку без его работы для достижения этого, или же независимо от его предусмотрительности, он обязан божественным силам. Но это – большая часть, занимающая практически всю жизнь».

Большая широта этой зависимости подразумевает, что боги обладают не только властью над судьбой, но и представляют идеалы цивилизации, прежде всего, этические идеалы. Как и пророческая религия Израиля, греческая религия V века до нашей эры является откровенно этической. Хотя едва ли мы можем обнаружить в Гомере тенденцию к морализаторству религии, этическими идеалами V века полностью определяются религиозные верования и почитание. Конечно, во многих примитивных религиях боги, особенно божественные родоначальники племени, появляются как моральные законодатели и опекуны; но в Греции они появляются под влиянием совершенствующегося автономного чувства этических ценностей «сами боги были морализированы» как говорит Роде. Моральные мысли и действия стали служением богу; благочестие (набожность) и сдержанность совпадают.¹ Это морализаторство религии, однако, исходит не от сознательной философской критики и реформы народной религии, а от самопроизвольного усовершенствования и усиления чувства моральных и религиозных ценностей. Но это не только этические ценности, которые имеют место в греческой религии; весь диапазон культурных ценностей, все, что принадлежит к идеалу (красота в той же мере, что и добродетель) получает религиозное одобрение – общественная жизнь, творения искусства, научные знания, даже беззаветное удовольствие от жизни.

Религия эллинов является религией цивилизации в целом. Она обладает властью объединить себя со всеми ценностями цивилизации и, таким образом, проникнуть в социальную и интеллектуальную жизнь. «Грек,- говорит д-р Фарнелл, - всегда был склонен найти место в своей религии для всего того, к чему он относился со страстью; и именно поэтому греческая религия так ярко отражает эмоции и чувства человека».

Греческая религия такой многогранностью объединяет исключительную ясность и гармонию

---

¹ Ευσέβεια – σωφροσύνη.

эстрасенсорных способностей. Она не знает синкретической путаницы, в ней нет ни показного блеска, как в восточных ритуальных религиях, ни подавления здоровых эмоций, ни аскетического презрения к миру, как в индийских религиях искупления, нет никакого страстного убеждения, всепоглощающего рвения к священной воле Бога, как в пророческой религии Израиля, нет безграничной тоски по Царству Божьему, как в примитивной Церкви. Подлинная греческая религия не знает также мистического стремления к благословенному союзу с Богом в исступлённом восторге, к отмене ограничений человека в сфере за пределами сознательной жизни. Гармония и сдержанность² являются его идеалами. Эмоциональность и отсутствие эмоций, пророческий аскетизм и мистическое безразличие одинаково чужды ему. В отличие от религии откровения и от мистической религии искупления, это - "естественная" религия; не религия разума, созданная философской критикой, конечно, но простая, первобытная религия, этически углубленная и эстетически очищенная (разъясненная?).

Особое качество греческой религии нигде не проявляется так ярко, как в молитве. Универсальное чувство зависимости, которое воодушевляет грека классической эры, наиболее ярко выражено тем фактом, что при любой возможности он обращается к богам посредством молитв и жертвоприношений. «Предложение жертвы и молитвы проникает во все отношения греческих людей в поразительной степени, - пишет Нагелсбах, - нет религиозной доктрины более действенной для контроля общественной и личной жизни подобно той, что все должно быть начато с богословия, то есть, с молитвы и жертвоприношения». Ксенофонт вкладывает уста Критобула такие слова: «Прекрасные слова ты говоришь, о Сократ, когда ты советуешь, что каждая работа должна начинаться с богов, ибо боги господствуют над всеми делами войны и мира». И платоник Тимей говорит: «Несомненно, О Сократ, все, кто обладает хоть каплей мудрости, всюду т всегда, в начале каждой работы, важной или неважной, призывают Бога». Молитва открывает все общественные слушания, народные собрания, празднества, судебные процессы, соглашения, договоры и войны. Аттические ораторы начинают свою речь с призыва богам; Афинские сенаторы молились у входа в сенат, в котором находились часовни Зевса и Афины. При радостных событиях, таких, как успех во время войны, были установлены праздники благодарения, и с ними были связаны жертвы, молитвы и песни. Молитва занимает не менее важное место в личной жизни. Каждый профессиональный класс призывал в начале своей деятельности своих божеств-защитников. Самые незначительные и общипринятые действия, приобретенные молитвой и жертвой, - религиозное посвящение. Исхомах, главный герой

---

² Μετρον – σωφροσυνη.

теории экономики (видимо, имеется в виду произведение «Экономика» или «Домострой») Ксенофонта, начинает обучать свою жену искусству домашнего хозяйства только после того, как он помолился, что его учение и ее познания могут оказаться выгодными обоим. Жители Афин молились даже при открытии винной бочки и тестировании вина, чтобы благородный напиток мог быть полезным для них. Примитивный обычай регулярных утренних и вечерних молитв и молитв перед едой - неизменная традиция греческого благочестия. Гесиод говорит о ежедневном утреннем и вечернем жертвоприношении. В «Симпозиуме» Платона Сократ утром адресует молитву солнцу. Платон в десятой книге «Законы» свидетельствует, что греки, как и другие народы, показывают свое религиозное почтение при восходе и закате солнца и луны. Молитва до или после еды; как и у нецивилизованных народов благословение еды, как правило, сопровождалось принесением вина в жертву богам.

Жизнеспособность и сущность греческой религии сделали невозможным преобразование молитвы в ритуальную формулу. Существовали, конечно, фиксированные формы молитвы в Греции, которые использовались в богослужении, но в отличие от римской религии ответ на молитву никогда не был связан со строгой приверженностью к буквальному смыслу. Как говорит О. Группе,: «Мысли об определенном расположении слов как о решающем значении для выполнения молитвы была совершенно чужды богослужению греков и противоречат их природе». Личный характер греческой религии не терпел преобразования живого слова молитвы в мертвые, безликие формулы магии. Религия Греции, в отличие от великих восточных религий, не развивала сложную ритуальную систему; поэтому молитва вероисповедания сохраняла свой простой, оригинальный характер. В то время как официальная молитва в богослужении вызывает определенные внутренние и необходимые ограничения, личная молитва людей в интеллектуальных кругах, кажется, поднялась выше всякого формализма. Насколько мы можем судить по скудным литературным документам, имеющимся в нашем распоряжении, набожность была столь же свободна и самопроизвольна среди образованных греков, как и среди великих лиц Израиля и христианской религии. Описание Марка Аврелия Афинской молитвы как «простой и свободной»³ в равной степени применимо к греческой молитве в целом. Язык молитвы является непосредственным выражением настроений, желаний и осознания ценного опыта, испытанного тем, кто молится.

Разнообразие объектов, которых грек просит в молитве, соответствует богатству его религиозного опыта. Все, что он чувствует нужным, для того, чтобы быть ценным и

---

³ Απλως και ελευθερος.

идеальным, он выражает в молитве перед его богами. Первобытный человек молится только ради благ этого мира; молитва о моральных ценностях чужда его мысли. Все древние религии - китайские, ведические, вавилонские, египетские, старые римские, старые американские, и греческие – по-прежнему находятся в сфере исключительно *udaemonistic* молитвы; чувство этических ценностей редко обладает достаточной властью для того, чтобы служить мотивом молитвы, наравне с примитивным чувством жизни. Когда греческая цивилизация была на высоте (в расцвете), религия, как и в случае с пророками Израиля, достигла полной нравственности (*moralizing*) религиозного опыта; мольба о моральных ценностях стала центром молитвы. Каллимах (*Callimachus*) в начале его молитвы просит о моральном совершенстве: «Дай мне силу (мужество) и богатство; дай мне силу и процветание». Гесиод видит лучшую молитву в просьбе о неизменной внутренней верности моральному идеалу. На соревновании песни между ним и Гомером он задает Гомеру такой вопрос: «Какова лучшая вещь, которую следует просить у богов?» Гомер отвечает: «Быть всегда в гармонии с законом в своем сердце». Религиозные и моральные идеалы постигает грек в словах «умеренность» и «благочестие»; оба являются важной темой молитв. В «Хоэфоре» Эсхила Электра молится своему мертвому отцу: «Сделай так, чтобы я смогла стать более сдержанной и более праведной женой, чем была моя мать». «Да будет дарована мне сдержанность, самый прекраснейший дар богов», - молится Хор в «Медее» Еврипида (*the Chorus in the Medea of Euripides*). В «Федре» идеал нравственной личности становится для Сократа смыслом молитвы. Самая зрелая молитва греческого духа - когда он говорит: «Любимый Пан и вы, все другие боги, которые часто посещают это место, даруйте мне возможность стать внутренне красивым». Спартанец проявляет свою твердую, целеустремленную силу, когда, как рассказывает Плутарх, когда он молится о силе нести неверное (вред) с мужественной стойкостью. Грек ничего не знает о глубоком чувстве моральной слабости и греховности, которая принудила величайших людей христианского духа просить о милости и прощении. Но когда он осознает определенный акт проступка или пренебрежения обязанностью или когда он боится, что, беспечным словом, оскорбил богов, он молит их о прощении. Симонид молится Зевсу: «Если я самоуверен в своей молитве и требовании справедливости для нас, прости меня». Как Сократ призывает Ксенофонта: «Если ты мудр, сын мой, ты будешь молить богов простить тебя в случае, если ты не почитал свою мать достаточно». Никакая религия не чтит и не освятила формы общественной жизни больше греческой. Социальные чувства греков живут в их молитвах заступничества. Молитва, в которой умирающая Алкеста (*Alcestis*) вверяет своих детей Гестии, богине домашнего очага, является одной из самых прекрасных из греческих молитв⁴:

---

⁴ Еврипид, «Алкестида» («Алкеста»). Строка 163 и далее, перевод на английский – А.С. Уэй.

<p>«Королева, поскольку я ухажу под землю, я падаю ниц Пред тобой сейчас, и, как никогда, молюсь: Будь матерью для моих сирот: сочти браком его С любящей женой, а её – с благородным мужем. И пусть умрут они не как их мать, умирающая до срока, но в благополучии На родине, наполненной жизнью блаженной».</p>	<p>«Queen, for I pass beneath the earth, I fall Before thee now, and nevermore, and pray: Be mother to my orphans: mate with him A loving wife, with her, a noble husband. Nor, as their mother dieth, so may they, My children, die untimely, but with weal In the homeland fill up a life of bliss».</p>
--	--